

дана свобода слова и печати и который пишеть и печатаетъ, что придетъ ему на умъ, неприлично и не слѣдуетъ. А я спрошу и Толстого и его клевретовъ: поносить высочайшія Имена Троицы, Христа, Богородицы и Святыхъ, Св. Чудотворныя иконы и моши и соблазнять народъ православный и неправославный, — по вашему можно? Да какому бы наказанію по закону долженъ подлежать и богохульный языкъ Толстого и его рука, пишущая богохульныя словеса? По писанію: кто чѣмъ согрѣшаєтъ, тотъ тѣмъ и мучится. Толстой же безнаказанно богохульствуетъ, да еще и чтится, какъ старецъ знаменитый, какъ великий писатель, какъ родивший графъ, и Львомъ Николаевичемъ зовется; какой онъ Левъ Николаевичъ? Онъ имени христіанского не стоитъ. Потерпѣль ли бы еврей, искренно вѣрующій въ Іегову, того, кто сталъ бы въ слухъ его относиться недостойно къ этому Св. Имені; или магометанинъ — того, кто въ слухъ его сталъ бы поносить Магомета, хотя Магометъ и не то, чѣмъ и кѣмъ его почитаются? А Толстой невозбранно поноситъ христіанскую вѣру и ея истинное святое и спасительное ученіе, и ея святыя и животворящія таинства; о, злодѣйство, достойное казни: (ап. Іуд. 7 — 8). Іудейскіе и римскіе законы казнили богохульниковъ и потому евреи кричали Пилату: „по закону нашему Христосъ долженъ умереть. Онъ Себѣ Сына Божія сотвори“ (Іоан. 19, 7) (хотя Онъ и действительно Сынъ Божій), а Толстой предъ всѣмъ русскимъ народомъ и предъ всей христіанской Европой хулитъ Христа, Который открылся Сыномъ Божіимъ въ силѣ, по духу Святыни, отъ воскресенія изъ мертвыхъ, вѣровался въ мірѣ, оправдался въ духѣ, проповѣдался въ мірѣ, вознесся во славѣ (І Тимое. 3, 16).

„Устами твоими буду судить тебя, лукавый рабъ“, говоритъ Господь въ Евангелии (Лук. 19, 22), и я скажу: отрицаніями твоими отрину тебя, Левъ Толстой, и хулы твои обращу на тебя.

* * *

Толстой извратилъ весь смыслъ христіанства, все понялъ на изнанку, ибо все можно лукавому уму и сердцу человѣческому извращать, называть свѣтъ тьмою и тьму свѣтомъ, сладкое горькимъ и горькое сладкимъ; прекрасное безобразнымъ — и наоборотъ, по подобію древнихъ софистовъ; Толстой отвергаетъ весь Символъ Вѣры,